

РЕФЕРАТЫ

Малахова Е.В.¹

КЕВИН БЕЙЛЗ²
ОДНОРАЗОВЫЕ ЛЮДИ.
НОВОЕ РАБСТВО В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Kevin Bales
Disposable People. New Slavery in the Global Economy.
University of California Press, 1999. – 297 p.

Отдавая дань своим предшественникам, автор предпринимает еще одну попытку определить сложный, многослойный феномен *рабства* в современном мире. Будучи скорее социологом-практиком, он довольно вольно обращается с понятием, о котором споры среди историков не утихают столетия. Его собственное определение раба как «человека, закабаленного силой или угрозой применения силы в целях экономической эксплуатации» мало чем отличается от классического определения Паттерсона: «...рабство – это постоянное и насильственное господство над людьми, лишенными даже права быть членом семьи и иметь имя, и чья социальная позиция не отмечена никакой властью или престижем» (Paterson Orlando. *Slavery and social Death: A World History*. Cambridge, Harvard University Press, 1982. P.13). Вместе с тем, опираясь на собственный, не книжный, а «полевой» опыт социологических исследований, Бейлз настаивает на существовании дифференциации «традиционное рабство – новое рабство» и прослеживает ее тщательно, последовательно и весьма доказательно.

В первой главе «Новое рабство и мировая экономика» дается общий анализ феномена рабства в современном глобализирующемся мире.

Непосредственный вклад рабского труда в мировую экономику сравнительно невелик: 13 млрд. долларов в 2001 г. (это приблизительно столько, сколько голландцы в этом году потратили на туризм, и значительно меньше стоимости компании Microsoft). Однако косвенное его влияние весьма существенно. Так, например, на древесном угле, добываемом рабами, практически полностью осуществляется производство стали в Бразилии. Основная часть стали идет на изготовление продукции машиностроения, составляющей около четверти бразильского экспорта, а цифры последнего весьма внушительны: только Великобритания импортирует из Бразилии товаров на сумму до 1,6 млрд. долларов в год, США же – значительно больше.

Рабство сокращает производственные расходы. Эта экономия распространяется на всю экономическую цепочку, результатом чего в конечном счете являются более низкие цены в магазинах Европы и Северной Америки и соответственно высокие прибыли торговцев. Рабство вплетается в систему мировой экономики различными способами. Индийским рабочим, производящим детали компьютеров или телевизоров, можно платить

¹ Малахова Елена Викторовна, переводчик

² Кевин Бейлз – ведущий преподаватель в Институте Роехамптон Университета Саррей, (Англия) и крупный международный эксперт по проблеме современного рабства.

© Малахова Е.В., 2002 г.

© Центр Фундаментальной социологии, 2002 г.

такую низкую зарплату в том числе и потому, что еда, произведенная индийскими рабами, стоит очень дешево. Это, в свою очередь, снижает стоимость произведенных товаров, и заводы в Северной Америке или Европе, производящие те же товары, не выдерживают конкуренции. Рабство в любом из регионов земного шара, делает вывод Бейлз, угрожает занятости повсюду (р.24).

Современное рабство мимикрирует, подражая мировой экономике, следуя ее моделям. Оно избегает прав владения и оформленного управления собственностью, стремясь вместо этого к контролю над ресурсами и процессами. Автор сравнивает этот подход с переходом от владения колониями в XIX в. к экономической эксплуатации тех же стран в наши дни. Межнациональные компании сегодня эксплуатируют национальные ресурсы той или иной страны и пользуются преимуществами дешевой рабочей силы, но избегают необходимости управлять страной в целом. Точно так же новая рабовладельческая система присваивает экономическую ценность отдельных людей без какой-либо ответственности за их элементарное выживание. Экономическая эффективность нового рабства чрезвычайно высока: экономически убыточные дети, старики, больные или увечные просто выбраковываются. *В новой системе рабства рабы – сменная деталь, добавляемая к процессу производства по мере необходимости и утратившая свою прежнюю высокую стоимость.* Переход от владения рабом к контролю над ним и присвоению результата его труда характерен практически для всех форм современного рабства.

Для сокрытия рабства и придания ему видимости законности используются принятые в цивилизованных странах системы трудовых отношений. Так, ширмой рабства очень часто служат фальшивые трудовые контракты. Фальшивые контракты отражают глобализацию рабства. Основные приемы закабаления одинаковы от Бразилии до Таиланда. Это позволяет легко ввозить рабов как в страны, где власти фактически закрывают на рабство глаза (положение закабаленных филиппинцев в Саудовской Аравии), так и в страны, где закабаление официально считается незаконным. Так, в Лондоне, по сведениям автора, насчитывается около 1000 домашних рабов, и все они работают по контрактам, зарегистрированным иммиграционной службой Великобритании (р.26). В момент въезда в страну в паспорт будущего «домашнего работника» вписывается имя его работодателя, от которого отныне полностью зависят иммиграционный статус работника и средства его жизнеобеспечения. Таким образом, уже само законодательство усиливает зависимость слуги от хозяина. Закон устанавливает право любого гражданина, а также въезжающего в страну иностранца, привезти с собой домашнюю прислугу. Чиновникам надо лишь убедиться, что человек, нанятый с этой целью, достиг 17 лет и проработал у данного хозяина не менее года. Поскольку большинство потенциальных слуг не говорят по-английски, а переводчики при проведении собеседования им не предоставляются, и их возраст и срок их работы фиксируются со слов работодателя. В дальнейшем практически ни один социальный работник не сможет доказать рабский статус прислуги. Само понятие «рабство» законом не предусматривается (р.27).

В основе рабства, как в старых, так и в новых его формах, лежит насилие. В современном обществе насилие (в том числе и вооруженное) является прерогативой государства. Однако, если в странах Европы и Северной Америки монополия государства на насилие призвана обеспечить защиту граждан, то для многих стран Африки и Азии эта монополия обращается против граждан (полиция в Таиланде – одна из преступных организаций, тесно контактирующая с другими, негосударственными, преступными структурами). Особенно часто криминализация государственных структур при сохранении их монополии на насилие происходит *в периоды стремительных социальных и политических изменений.* Экономика переходного типа «выдавливает» крестьянские семьи с земли, ведет к их обнищанию и одновременно увеличивает потребность в неквалифицированной рабочей силе в городах. Обнищавшие граждане крайне уязвимы для насилия, которое, не встречая противодействия со стороны государства, становится абсолютным. Когда монопольное право на применение насилия переходит от центральной власти к местной вооруженной

полиции или вооруженным индивидам, создаются благоприятные условия для формирования различных видов рабской – или, как часто выражается Бейлз, кабальной – зависимости.

Говоря о предпосылках и необходимых условиях формирования системы нового рабства, автор указывает также и на то, что успешнее всего она развивается в условиях крайнего обнищания населения. Должны быть *люди* (не обязательно местные уроженцы), *доступные закабалению*. Необходим *спрос на рабочую силу*. Рабодержатели (Бейлз особо настаивает именно на таком термине в противовес термину «рабовладельцу», применимому скорее к прошлым эпохам) должны обладать достаточными ресурсами, чтобы захватить и удержать контроль над рабами. Стоимость содержания раба должна быть ниже стоимости содержания наемной рабочей силы. Должен иметь место спрос на товары, произведенные рабским трудом по цене, которая делает содержание рабов выгодным. И, наконец, у потенциального раба не должно быть эффективных средств защиты (р.33)

По мнению Бейлза, система нового рабства работает наиболее наглядно в Таиланде. Таиланд богат природными ресурсами. Умеренно-жаркий климат, обилие плодородных хорошо увлажненных земель давно сделали Таиланд одним из мощных экспортеров зерновых культур. Голод в истории страны наблюдался редко, социальная стабильность – привычная норма. В резком контрасте с основной территорией находится север, присоединенный к Таиланду только в XIX веке. Здесь для земледелия пригодна только десятая часть земель, хотя они и являются самыми плодородными в стране. Жители высокогорий бедны. Уровень их жизни, культура и обычаи сильно отличаются от жизни обитателей равнин. На протяжении столетий одним из главных средств выживания для северян была продажа собственных дочерей (но никогда – сыновей) в рабство или услужение. Продажа детей считалась общественно приемлемой, чему способствовали определенные особенности тайского буддизма. Это направление видит в женщине существо, неспособное достичь блаженства как высшей цели верующего. Рождение в женском обличье указывает на грешную жизнь в прошлом. Это своего рода наказание. Секс не грех, он – только часть материального природного мира иллюзий и страдания. Достойный человек занимается сексом, стараясь избегать эмоциональной вовлеченности. Тайский буддизм проповедует смирение и покорность перед страданием, ибо все происходящее – это карма, от которой человеку все равно не уйти. Такие традиционные представления облегчают функционирование рабства, как старого, так и нового.

Религиозная вера в низшее положение женщины – не единственный культурный обычай, питающий рабство в Таиланде. Рождение считается великим даром, воспитание и содержание – еще одним. В качестве благодарности от девочки всегда требовалось смиренное самопожертвование.

За последние 50 лет в Таиланде произошли большие перемены. Экономический бум, утихший только в 1997 году, оказал огромное влияние на жизнь северян. В то время как центральные районы стремительно индустриализировались, экономическая жизнь на севере оставалась без изменений. Резко возросли цены на еду, землю и сельскохозяйственный инвентарь, однако доходы от продажи сельскохозяйственной продукции остались прежними, поскольку такова была политика правительства, обеспечивающая низкие цены на еду для промышленных рабочих центра. Север был затоплен потоком потребительских товаров – холодильников, телевизоров, автомобилей, рисоварок и т.д. Рост потребительского спроса при низкой платежеспособности северян имел своим следствием существенное увеличение продажи женщин. Согласно результатам опросов общественного мнения, семьи, продавшие одну или нескольких дочерей, в 60 % случаев могли бы избежать этого, однако предпочли покупку телевизора или видеотехники.

Тот же самый экономический бум, определяющий спрос в северных деревнях, наполняет кошельки рабочих в центральных районах. Вчерашние бедные иммигранты теперь могут позволить себе то, что всегда считалось неотъемлемой привилегией обеспеченного тайского мужчины – *регулярное посещение борделя*. Из-за возросшей покупательной

способности этого растущего числа клиентов увеличивается потребность в девушках с севера и поддерживается растущий бизнес поставок девушек в публичные дома центральной части страны. Интересный момент: хотя существуют и иные пути – прямое закабаление через обман (обещание хорошего заработка в городах) или похищение, но растущий спрос на девушек, потеря девушек из-за ВИЧ-инфекции и потребность во все более молодых девушках заставляют владельцев борделей и посредников поддерживать постоянные контакты с сельскими семьями для покупки девочек. В настоящий момент число купленных девочек приближается к 35000. Девочки-рабыни обслуживают самый низший сегмент рынка – небогатых рабочих, студентов и т.п. Общее число взрослых проституток в Таиланде около полумиллиона, причем, характерно, что из них в рабство попала только каждая двадцатая. Большинство занимается проституцией добровольно. Сексуальные услуги продаются повсюду, даже в кафе, парикмахерских и монастырях. Для тайского мужчины покупка женщины сродни покупке выпивки, это хорошее и законное вложение средств. Полигамия в этой стране всегда поощрялась и отражала социальный статус индивида. И сегодня любовницы и младшие жены придают мужчине вес в обществе, однако резко выросло потребление *коммерческих* сексуальных услуг. К нему, как к естественной части развлечения мужчины, положительно относится не только мужская, но и женская часть населения.

Вместе с тем Бейлз выражает надежду, что со временем экономический бум, который увеличил потребность в новых проститутках, может положить конец сексуальному рабству в Таиланде. Женщины постепенно втягиваются в общий процесс образования и профессионального обучения, преодолевается их неосведомленность и социально-культурная депривация, на которых в значительной мере зиждется закабаление. Более образованные девушки менее склонны слепо доверять посулам посредников. Менее значимыми становятся традиционные обязанности девочки по отношению к семье. Как ни цинично это звучит, но телевизор, купленный на деньги от продажи одной из дочерей, может послужить важным инструментом просвещения и предотвратить продажу ее младших сестер.

Для работодателей такие перемены представляют серьезную проблему на фоне роста спроса и сокращения предложения. Их внимание обращается на другие регионы, где при катастрофическом отсутствии социальной информации господствует нищета. Лакомыми кусочками для приобретения новых рабов представляются приграничные районы. Из Бирмы и Лаоса в Таиланд прибывают в поисках работы тысячи экономических и политических беженцев. Большинство из них – нелегально. В Таиланде они совершенно незащитны. Уже на границе к женщинам-иммигранткам применяется (не без помощи чиновников и полиции) та же тактика закабаления, которая используется применительно к тайским девушкам. Рабыни-иммигрантки оказываются в еще худшем положении, чем их сестры по несчастью из Таиланда: они не знают языка, они нелегалы, их участь практически никого не интересует. Традиционно сильная антипатия между тайцами и бирманцами только усиливает дискриминацию и произвол. Так, например, глава полиции г.Ранонга в южном Таиланде не постеснялся публично заявить, что он считает недопустимым и позорным позволять мужчинам-бирманцам (число бирманцев, занятых в местной рыбной промышленности сравнительно велико) пользоваться услугами тайских проституток. Поэтому он «с пониманием» относится к возможности бирманских проституток работать в его городе.

Поток женщин и девушек через таиландские границы течет в обоих направлениях (р.54). Экспорт кабальных проституток – прекрасный бизнес, находящий высокий спрос в публичных домах Японии, Европы и Америки. При этом различным странам присуща определенная специфика «оформления» сексуального рабства. В Швейцарию девушки чаще всего привозятся по «артистическим» визам в качестве экзотических танцовщиц. Это означает, что для того, чтобы соответствовать условиям найма, они в дополнение к нелегальной проституции должны также работать в качестве стриптизерш. В Германии – это девушки в барах, продаваемые самим барменом или вышибалой. Иногда закабаленных тайских девушек помещают непосредственно в публичные дома или размещают на тайных

квартирах. После того, как в 80-х годах получили популярность секс-туры японцев в Таиланд, Япония превратилась в самого главного импортера тайских проституток. Особенным спросом пользуются девственницы, что объясняется не только боязнью СПИДа, то также и верой в то, что секс с девственницей возвращает мужчине сексуальную энергию и продлевает жизнь.

Характерно, что большинство тайских политиков не принимают проблему рабства всерьез (р.71–79). Формально закон полностью запрещает порабощение человека человеком, однако применяется он лишь в исключительных случаях, когда публичный скандал заставляет политиков демонстрировать свою активность. При аресте бирманских или лаосских девушек полиция нарушает закон сплошь и рядом. (Закон против поставок людей, принятый еще в 1928 г., запрещает заключение в тюрьму или обложение штрафом женщин, которые были обманом привезены в Таиланд). Договоренность между гангстерами, полицией и иммиграционными властями обеспечивает поставку женщин во все возрастающем масштабе. Если дело все же доходит до судебного разбирательства, полицейские, как правило, отделяются переводом на другую должность, а хозяева борделей – умеренным штрафом.

Вместе с тем, замечает автор, за последние годы сотрудничество Таиланда с европейскими силовыми структурами упрочилось. Имело место также изменение и расширение законодательства. В 1992 г. Таиланд присоединился к Акту о международном сотрудничестве в области уголовного права. Закон позволяет генеральному прокурору собирать показания против иностранцев, совершивших преступления в Таиланде, и затем пересылать материалы в страны, гражданами которых являются преступники. В 1997 г. был пересмотрен закон о проституции. Значительно увеличена система штрафов для тех, кто занимается сексом с проститутками моложе 18 лет (штраф 60000 батов плюс 3 года тюрьмы). За секс с девушкой младше 15 лет наказанием является штраф в 400000 батов плюс 15 лет тюрьмы. Уместно вспомнить, замечает Бейлз, что закон о преодолении проституции от 1960 г. предусматривал наказание для всех лиц, вовлеченных в секс-индустрию, кроме самого клиента. По новому закону проститутка подвергается небольшому штрафу плюс 1 месяцу тюремного заключения. Девушки моложе 18 лет не наказываются, но направляются в реабилитационный центр сроком на 6 месяцев, а затем на двухгодичные курсы обучения какой-либо профессии. Закон устанавливает также наказания для родителей, агентов, посредников и держателей борделей. Однако, по мнению исследователя, ключевая проблема остается прежней: проституция в Таиланде криминализована, сутенеры и полиция действуют рука об руку. Позиция тайского правительства по этому вопросу весьма амбивалентна, несмотря на принятие новых законов. В конце 70-х гг. были закрыты американские базы, способные поставить 40 тыс. потенциальных посетителей борделей (добавим к этому и тех американских солдат, кто приезжал в Таиланд в отпуск во время вьетнамской войны). В связи с этим правительство стало отчаянно искать возможности компенсировать уменьшение доходов. Новым источником прибыли стал сексуальный туризм. В конце 80-х гг. сам вице-премьер Таиланда призывал губернаторов провинций создавать больше учреждений по оказанию сексуальных услуг, чтобы привлечь туристов в провинцию. Если в 1984 г. страну посетило 2 млн. туристов, в 1988 г. – 4 млн., то в 1996 г. – уже более 7 млн. (причем, 5 млн. из них были одинокими мужчинами). Хотя прямой связи между сексуальным туризмом и рабством нет, но расцвет сексуального туризма создал особый деловой климат, благоприятный для развития системы сексуального рабства. Доходы Таиланда от секс-индустрии в 13 раз больше, чем от сборки и экспорта компьютеров – одной из основных отраслей экономики. Эти денежные вливания никак не стимулируют строительство новых промышленных предприятий и развитие инфраструктуры. Образно выражаясь, Таиланд сидит на игле рабства.

Безусловно, попытки изменить положение вещей предпринимаются и отдельными людьми и общественными организациями, в том числе и международными. И все же, считает Бейлз, это попытки сдвинуть гору общественного безразличия к проблеме рабства. Излишек

потенциальных рабов в политически нестабильных соседних странах – Бирме, Лаосе, Кампучии, их низкая цена блокируют деятельность реформаторов. В лучшем случае можно оказать помощь части рабов, не затрагивая истоков рабства.

Однако даже это – прогресс по сравнению с ситуацией в другой исследуемой автором стране – Мавритании.

Мавритания – одно из немногих государств, где господствует система старого рабства.

В полицейском государстве, каковым автор считает Мавританию, проведение исследований, связанных с правами человека вообще и с проблемой рабства, в частности, требует от исследователя особых навыков наблюдения и анализа. Легальных способов получить информацию фактически нет (за иностранцами установлена постоянная слежка, невозможны фото- и видеосъемка без специального разрешения, контакты с населением также строго ограничены). В данных условиях Бейлзу, по его собственному признанию, часто приходилось прибегать к нелегальным способам проведения исследования.

Те выводы, которые ему удалось сделать, можно свести к следующему. В Мавритании сегодня существует уникальная для современного мира разновидность рабства. Рабство, бывшее значимой частью мавританской культуры на протяжении многих веков, сохранилось в этой стране в примитивной племенной форме. Рабов, продаваемых в Риме, мавры поставляли из районов, которые в настоящий момент составляют южную Мавританию. Этот регион страны небогат естественными ресурсами, поэтому захват и продажа рабов были единственным надежным источником доходов для северян.

В сознании современного человека представление о рабстве вызывает ассоциации прежде всего с поставками рабов через Атлантический океан в 1650–1850 гг. и рабовладении на американском Юге. Для понимания специфики мавританского рабства английский ученый предлагает вспомнить об эпохе поздней античности. Если сравнивать мавританское рабство с другими современными формами рабства, то бросается в глаза сравнительно «гуманное» и даже бережное отношение к рабу, что не отменяет, а скорее подчеркивает юридическую, социальную и психологическую несамостоятельность раба. Автор отказывается принять существование этой формы рабства в качестве элемента политической реальности, настаивая на том, что это скорее перманентная составляющая культуры. В отличие от других моделей рабства, тело и жизнь рабов в большой цене. Особенно это касается женщин-рабынь. Богатство мужчины традиционно измеряется числом принадлежащих ему женщин-рабынь. Дети рабыни – вопреки действующему законодательству – всегда принадлежат мужчине-хозяину, (поскольку молчаливо считаются его собственными детьми, что, впрочем, не отменяет их рабского статуса).

Белые мавры (арабы-хасаны) контролирующие Мавританию, объединены в большие многопоколенные семьи, которые образуют несколько племен. Семьи владеют рабами на протяжении многих десятилетий. Каждый раб – особая собственность мужчины из данной семьи; он наследуется и очень редко продается. Семьи рабов, как правило, живут в доме хозяина. Рабам за работу не платят, и у них нет свободы передвижения. Вместе с тем тот факт, что их родители, деды и прадеды работали на ту же самую семью, создает глубокие взаимные эмоциональные связи хозяина и раба. В отличие от работодателей в других странах, хозяева рабов в Мавритании ощущают определенную ответственность за жизнь и судьбу своих рабов, рассматривая себя и их как единое целое – как семью «добрых мусульман». Их отношения глубокие, сложные и долгосрочные. В 1980 г. рабство в стране было официально объявлено вне закона, и сразу же под давлением Саудовской Аравии, обещавшей Мавританию финансовую поддержку, вступил в действие шариатский суд. В большинстве судебных исков (а их немного) судьи отдают предпочтение интересам хозяина, представляя фактическое рабство в качестве своего рода национальной традиции или даже шире – неотъемлемой черты исламской культуры. Рабство в Мавритании всепроникающее, что означает для раба отсутствие выбора. Раб, покинувший хозяина, вряд ли найдет работу, поскольку богатые мавры-хасаны в пришлых работниках не нуждаются, а бедные (пастухи и

земледельцы) не имеют средств для их содержания. Другая большая общественная группа – свободные не-мавры – также не могут принять бывших рабов; как правило, в качестве работников они используют многочисленных членов собственной семьи. Рабы, рискнувшие уйти от хозяина, быстро впадают в нищету. В этом строго иерархизированном обществе освобожденный или освободившийся раб – пария. Насилие завуалировано и освящено традицией. Именно это позволяет внешним наблюдателям говорить об отсутствии рабства в Мавритании (в особенности это относится к французским и американским аналитикам).

Мавритания изолирована от внешнего мира: источников информации мало, большинство из них контролируется правительством белого мавританского меньшинства, обязательна предварительная цензура для всех газет. Радио- и телестанции монополизированы государством. Экономическая ситуация близка к катастрофе. Два главных ресурса страны – рыба и железная руда. Спрос на железную руду на мировых рынках падает. Сельскохозяйственные продукты на 70% импортируются (главный поставщик – Таиланд). Инфраструктура отсутствует: в стране имеются всего две шоссейные дороги и одна железная. Только 3 % населения имеет телефон.

Правящий с 1981 г. полковник является сторонником метода жесткого администрирования. Под его руководством осуществлялось стратегическое нападение на афро-мавританцев в 1997-1991 гг. , в 1997 г. именно он организовал арест лидеров правозащитных групп. В настоящее время его администрация продолжает программу этнических чисток, которая официально именуется *арабизацией*, распространяя ее в места традиционного проживания афро-мавританцев (р.Сенегал), вытесняемых со своих земель. Рабы в абсолютном большинстве безграмотны, их учат только устному арабскому языку и убеждают – вопреки очевидному – что они тоже арабы. Общественное внимание целенаправленно отвлекается от положения рабов, одновременно побуждая бывших рабов из числа «черных мавров» дистанцироваться от свободных афро-мавританцев. Афро-мавританская оппозиция, в свою очередь, учитывает политический потенциал рабов и выдвигает требование их реального освобождения в качестве основного пункта своей программы. Ночной кошмар правящей клики – возможная политическая коалиция афро-мавританцев и «освобожденных рабов». В настоящий момент правительственная стратегия «разделяй и властвуй» работает только благодаря изоляции и беспомощности рабов и расколу оппозиции.

Готовность ООН и других стран поддерживать правительство Мавритании имеет одну причину – это страх перед мировой экспансией фундаментализма. Его боятся все: и западные страны, и белые мавры (ибо он представляет угрозу их сегодняшнему роскошному существованию), и афро-мавританская оппозиция (ибо фундаментализм – ярый противник либералистской политики). Если части оппозиции удастся найти компромисс с правительством, режиму уготовано долгое будущее.

Уникальность мавританского общества Бейлз выражает с помощью следующей схемы (р.118):

Старое рабство	Мавритания	Новое рабство
Официально оформленное право собственности	Незаконное, но поддерживаемое шариатскими судами	Официально неоформленное право собственности
Цена рабов высока	Цена рабов высока	Цена рабов чрезвычайно низка
Прибыль мала	Прибыль относительно высока	Прибыль максимально высока
Недостаток потенциальных рабов	Дефицит рабов и конкуренция за них	Переизбыток потенциальных рабов
Долгосрочные отношения	Долгосрочные отношения	Кратковременные отношения
Жизнь рабов является предметом заботы хозяина	Так же	Рабы заменимы
Этнические различия важны	Этнические различия акцентуируются	Этнические различия в большинстве случаев не имеют значения

Как было сказано выше, новые формы рабства процветают там, где ломаются старые социальные нормы. В случае *Бразилии* это – продолжающаяся вырубка лесов. 25 лет назад планомерно вырубались дикие кустарники для посадки эвкалиптов (предполагалось, что они пойдут на производство бумаги). Теперь главным ресурсом властям представляется уголь, вырабатываемый из древесины эвкалиптов. Главная особенность его в том, что он производится рабами. Бразилия – последняя на территории американского континента страна, отменившая рабство (1888 г.), но сохраняющая самый высокий уровень экономического неравенства в мире. При населении в 165 млн. человек только 50 000 из них владеют практически всем. На 4 млн. крестьян приходится 3 % земли. Миллионы безработных прозябают в городских трущобах.

В Бразилии общая для развивающихся стран коррумпированность правительства имеет катастрофические социальные последствия.

1970-е гг. международным и местным компаниям было дано разрешение покупать федеральные земли большими частями по минимальной цене. Дикие леса были вырублены и их место заняли плантации эвкалиптов, древесина которых должна была в будущем использоваться для изготовления бумаги. Однако к 1990 г. фабрики по производству бумаги все еще отсутствовали. Принимается решение об использовании древесины эвкалиптов для производства угля, применяющегося в сталелитейной промышленности. Необходимую для этого рабочую силу поставляли трущобы больших городов. Люди с радостью, иногда целыми семьями завербовывались на «постоянную» работу в отдаленные районы. По приезду они оказывались в трудовых лагерях с очень жестким режимом, за много миль от цивилизации и быстро впадали в кабальную зависимость от вербовщика. К тому же у них отбирали паспорт и трудовую книжку – главные документы в Бразилии. Прямое насилие, как правило, не применялось и не применяется. Практикуется в основном игра на чувстве долга. Рабочие попадают в психологическую ловушку, будучи уверенными, что кредит можно выплатить, а убежать, не заплатив, недостойно.

Бейлз подчеркивает, что рабочих закабаляют, потому что их *можно* закабалить. Рабство представляется хорошей деловой стратегией. Рабство позволяет владельцам земли

увеличивать доходы без всякого риска. Местная полиция подкупается землевладельцами, а у официальных инспекторов просто нет средств для изменения положения дел. Подобно японским и тайским бизнесменам, вкладывающим деньги в публичные дома, бразильские бизнесмены могут сосредоточиться на практических результатах, не вникая в то, что же реально обеспечивает им такой баснословно высокий доход. Это прекрасный пример нового рабства: безликого, временного, высокодоходного, скрываемого и абсолютно безжалостного (р.148).

В книге разбираются еще два случая – Индия и Пакистан.

Основной сферой применения рабского труда, включая детский, в *Пакистане* является изготовление кирпичей.

В 60-е годы правительство приступило к проведению земельной реформы и общей модернизации хозяйства. Крупные землевладельцы, опасаясь конфискации своих земель и передачи их жившим на них крестьянам, стали вытеснять последних. Для возмещения потери рабочей силы землевладельцы заказывали сельскохозяйственную технику, тем самым реализуя правительственный проект модернизации. Огромные массы безземельных крестьян опускались все ниже и ниже по социальной лестнице. Многие семьи стали продавать себя в полном составе в долговое рабство владельцам печей по обжигу кирпичей, число которых стремительно росло. Развивающаяся инфраструктура страны требовала большого количества стройматериалов, главным из которых стал кирпич. Первое поколение рабочих, занятых в кирпичном производстве, полностью состояло из согнанных с земли крестьян. Сегодня их дети и внуки унаследовали не только их профессию, но и их долги.

В Пакистане имеет место сложное смешение феодальных и капиталистических отношений. Общество до сих пор разделено на касты. Кирпичники формируются из представителей самых низших каст. Зарплата на уровне прожиточного минимума, растущие долги, низкая производительность печей, религиозная и этническая дискриминация, коррумпированность полиции, неэффективность законодательства делают прогнозы для закабаленных рабочих неутешительными. Ситуация выглядит особенно мрачной, если сравнить ее с положением дел в соседней стране, обремененной большинством тех же проблем, что и Пакистан (р.194)

Индия является примером самой древней и долговечной системы закабаления. Формы неволи многообразны – древние характерны в основном для сельской местности, новое рабство практикуется в городах. Учитывая распространенность закабаления, можно только удивляться успехам, сделанным на пути борьбы с ним. Что же удалось сделать в Индии из того, что не удалось в Таиланде, Бразилии или Пакистане? Дело здесь, считает Бейлз, отнюдь не в ресурсах. Индия – самая бедная из этих стран. Долговые отношения охватывают сотни видов деятельности. Никто точно не знает, сколько в стране рабов. По различным оценкам, из 950 млн. индийского населения рабы составляют от 10 до 20 млн. человек. Индийское правительство последовательно разрабатывает и проводит «программы реабилитации» (так здесь называют программы помощи по избавлению от долгового рабства), предлагая беспроцентные ссуды для выплаты долга, финансируя переквалификацию бывших рабов, обеспечивая их рабочими местами. Основные черты реабилитационного плана просты. Когда государственные чиновники или социальные работники обнаруживают подневольного работника, его регистрируют. Он получает сумму на погашение долга, с тем чтобы он мог покинуть хозяина. Каждая семья получает грант в 6500 рупий, часто в форме земельного участка или скота. Предписано создание наблюдательных комитетов для контроля за всеми этапами реабилитации. Половина финансирования идет от федерального правительства, другая половина – от администрации штатов (р.226).

Конечно, честность чиновников – качество, плохо поддающееся учету и контролю. Коррупция в Индии признана серьезным вопросом и уже это позволяет надеяться на успех в борьбе с ней. Для сравнения: в Таиланде, например, честный человек на хорошей должности долго не задерживается. Индийская национальная академия государственной службы, которая готовит правительственных служащих, провела обширное исследование

выполнения программы реабилитации 1989г. Были проверены сотни конкретных случаев на местах и сделаны определенные рекомендации-дополнения.

Пример Индии служит Бейлзу основанием для утверждения, что прогресс в деле преодоления рабства все же возможен.

Заключительная глава книги (pp.232–262) посвящена рассмотрению наиболее эффективных методов борьбы с современным рабством.

Прежде всего необходимо признать существование рабства, назвать его своим именем.

Важным фактором для выявления и ликвидации рабства является также введение новых или соответствующее изменение старых законов, государственный и общественный контроль за их осуществлением. Они должны быть направлены на само намерение осуществить закабаление, подобно тому как уголовное законодательство наказывает за умышленность убийства, а не только за его осуществление. Серьезным фактором может оказаться достаточная информированность потребителя. Необходимо понять, подчеркивает автор, насколько наше собственное потребление зиждется на рабском труде, сколько мы лично готовы платить за ликвидацию рабства. Требуется создание негосударственных общественных организаций, цель которых – выяснение сложных и непрозрачных связей рабского труда и конечного рыночного продукта в условиях глобальной экономики, доведение результатов исследований до сведения международных структур с целью усиления международного давления на коррумпированные режимы.

Необходимо обеспечивать доступ бывших рабов к государственным кредитам, заботиться об их психо-эмоциональной и социальной реабилитации, помогать в правовых вопросах и т.д. Все эти меры могут быть эффективными только при совместных усилиях властных структур, общественных организаций и отдельных граждан.